

нее солнце. Закурились паром промокшие шинели бойцов. Земля еще не просохла, и местами кони по колено увязали в грязи. Едва поднявшись над горой, солнце стало сильно припекать, нагоняя дремоту на усталых людей, прошедших ночь на марше. Батора так разморило, что он несколько раз чуть не упал с коня. Командир полка, майор, заметив, что солдат одолевает сон, приказал прищипывать коней.

Когда полк достиг вершины горы, майор достал ракетницу, и в небо взвилась красная ракета. Бойцы галопом понеслись вперед. Топот коней, выстрелы, крики «ура» — все слилось в единый мощный гул. Кавалеристы, не останавливаясь, мчались дальше, к городу, видневшемуся в тумане. Наступление полка явилось полной неожиданностью для противника.

Конь, испуганный выстрелами и криками, несся вихрем. Над головой Батора просвистела пуля. Он пригнулся к гриве своего скакуна. От ветра застлелись глаза. С трудом удалось ему осадить коня у стены городской крепости, но поздно: конь свалился вместе с ним в глубокий ров под стеной. При падении Батор вылетел из седла, но тут же вскочил на ноги. Во рву оказалось еще несколько солдат. Батор попытался выкарабкаться наверх — безуспешно. Тогда он побежал по дну рва, ведя коня в поводу. Вот пологий склон, можно выбраться на ровное место. Совсем рядом просвистела пуля, вонзилась в противоположную стену рва. Батор дал по неприятелю длинную очередь. Стоявший с ним рядом солдат также открыл огонь, но, сраженный пулей, упал на землю. Увидев струившуюся из головы раненого кровь, Батор на мгновение растерялся. Сквозь шум и треск выстрелов до него донеслось:

— На врага! В атаку!

Бойцы выбрались из рва, вскочили на коней и снова устремились вперед. Конь Батора легко перелетел через пролом в крепостной стене и поскакал по узенькой улочке незнакомого города. Внезапно Батор увидел японского солдата, который целился в него. Батор повернул коня и занес клинок для удара, но японец метнулся в сторону и прыгнул через забор. Преследуя его, Батор очу-

тился на другой улице. Здесь были советские солдаты. Батор остановился.

— Ты чего здесь стоишь? — раздался сзади резкий голос. Батор оглянулся. На него смотрел командир взвода.

Батор начал было объяснять, что во время первой атаки отстал от товарищей, но командир, не дослушав его до конца, тронул коня. Батор последовал за ним и вскоре оказался в своей части.

Повсюду поднимались черные клубы дыма. По улицам только что занятого города проходила конница. Трубы заиграли сбор, эскадрон выстроился и выступил из города в восточном направлении.

Они ехали по лесистому берегу реки. Потом лес кончился, открылось поле, покрытое высокой, густой травой. В стороне был деревянный мост через реку. Бойцы залегли. По мосту взад и вперед прохаживался часовый. Вот он остановился. Неужели что-нибудь заметил? Все лежали, боясь шелохнуться. Под мостом появились два посланные вперед бойца. Один из них сбросил сапоги и ловко, как кошка, стал взбираться вверх по опоре. Часовой прислонился к перилам, закурил. Боец уже взобрался на мост и подкрадывался к часовому сзади. Часовой обернулся, слыша шорох, и тут же свалился, оглушенный ударом приклада. Лейтенант дал команду взводу и первым рванулся к мосту. Бойцы, пригибаясь, побежали за ним. Взвод был уже на середине моста, когда японцы, заметив бегущих, открыли пулеметный огонь.

— Вперед! — крикнул лейтенант и побежал дальше. На мосту осталось четверо убитых бойцов. Взвод добрался до другого берега реки и занял пустующие траншеи противника. Японцы бросились в контратаку, но прицельный огонь из траншей вынудил их отступить к лесу.

Взвод лейтенанта Дэлэга занял выгодную для обороны позицию. Японцы поняли это и больше не пытались атаковать. Они укрылись в лесу и оттуда продолжали поливать взвод свинцовым дождем.

Батор стрелял и стрелял. Обернувшись на мгновение, прикинул, что ряды товарищей заметно поределели. Рядом с ним лежал Тумур и, стиснув зубы, непрерывно нажимал на гашетку. Ожесточенная перестрелка продолжалась довольно долго. Внезапно

Против фальсификаторов истории МНР

ОНГОЛЬСКАЯ Народная Республика, проблемы ее новейшей истории, то есть победа народной революции 1921 года, развитие по некапиталистическому пути и строительство социализма в стране, укрепление ее международного авторитета, все более и более привлекают внимание специалистов. Одна из таких ценных работ — рецензируемый здесь труд советского монголиста М. И. Гольмана.

Гольман ставит задачу дать

М. И. Гольман. Проблемы новейшей истории Монгольской Народной Республики в буржуазной историографии США, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970, 179 стр.

научный разбор буржуазной американской литературы по новейшей истории МНР. Говоря о причине, характере и особенностях развития монголоведения в США, автор пишет, что в основе его лежат, с одной стороны, рост общественного и научного интереса, с другой — антикоммунизм, практические нужды и идеологические устремления монополистического капитала. Он справедливо видит социальный заказ, выполняемый буржуазной монголистикой, в ее стремлении «дискредитировать, очернить, подрывать привлекательность в известной мере уникального исторического опыта МНР, развенчать его в глазах «третьего мира».

противник прекратил огонь, наступило короткое затишье.

Японцы решили изменить тактику. Они разделились на две группы. Одна поползла вдоль реки, намереваясь зайти в тыл взводу, другая осталась на месте, чтобы создать видимость подготовки к лобовой атаке. Но лейтенант, разгадав их замысел, перестроил свой взвод, оставив пятерых бойцов в засаде. Опять застрочили пулеметы, и бой возобновился. Ствол пулемета Батора сильно накалился, но Батор ни на минуту не прекращал стрельбы.

Завороженные своим численным превосходством, японцы, невзирая на потери, продолжали продвигаться вперед.

Лейтенант с беспокойством оглядел свой отряд. Повсюду лежали убитые и раненые. От целого взвода осталось немногим более десятка бойцов.

— Скоро они опять полезут, — сказал лейтенант. — Приготовьте гранаты.

Он оказался прав. Прошло несколько минут, и противник снова ринулся в атаку. Тогда лейтенант привязал к штыку носовой платок и поднял штык вверх.

— А ну, ближе, ближе! — кричал он, размахивая платком.

Японцы надвигались. Восемьдесят метров... Пятьдесят... Расстояние неуклонно сокращалось.

— Ну, Батор, давай! — крикнул лейтенант.

Яростно застрочил пулемет. Несколько японцев упали, как подкошенные, боевой порядок врага сразу нарушился, однако наступление продолжалось. Бойцы пустили в ход последние гранаты...

Неожиданно позади задребезжал деревянный настил моста.

— Наши! — крикнул лейтенант. — Ура!

Не обращая внимания на кровь, струившуюся по щеке, он бросился вперед по траншее, увлекая за собой солдат. Батор и Тумур бежали за ним.

Разгромив батальон японцев, охранявших мост, кавалерийский полк двинулся дальше по прибрежным зарослям ивняка. С наступлением сумерек командир скомандовал выйти из зарослей и подняться вверх по крутому склону.

Углубившись в горы, бойцы спешили и продолжали подъем. Издалека донеслись выстрелы.

Разрывы снарядов и бомб сотрясали землю. Дойдя до исходной позиции, полк остановился. Светящиеся стрелки часов майора показывали двенадцать.

Батор, устроившись вместе со своим взводом за большим валуном, ел хлеб с сахаром, запивая его водой из фляги.

— Пулеметчик Батор! — раздалось из темноты.

— Здесь! — торопливо поднимаясь, отозвался Батор.

— Тебя вызывают в штаб.

Батор взял винтовку и осторожно, стараясь не споткнуться и не наделать шума, зашагал рядом с бойцом, который пришел за ним.

— В разведку посылают? — поинтересовался Батор.

— Да нет. Тумур из вашего взвода тяжело ранен. Он был в ночном дозоре, вот там...

Батор рванулся вперед, не разбирая дороги.

Командный пункт находился в глубоком овраге. Он был хорошо замаскирован. Отбросив край брезента, Батор ворвался в палатку и остановился, ослепленный лучом карманного фонаря.

На носилках лежал человек. Слышалось тяжелое, прерывистое дыхание. Над раненым склонилась женщина в белом халате — по-видимому, она делала ему укол.

— Он хотел тебя видеть, — тихо сказал Батору майор.

Батор шагнул вперед, опустился на колени и ладонью провел по холодному, покрытому потом лицу друга.

— Тумур, Тумур! — позвал он, и голос его задрожал.

Тумур медленно открыл глаза и хотел было протянуть Батору руку, но она бессильно упала. Батор никогда не мог забыть этого последнего, предсмертного жеста...

Между тем артиллерийская канонада становилась все сильнее. Майор время от времени поглядывал на часы. На перевале то и дело сверкали яркие вспышки разрывов. Снаряды рвались рядом с позициями полка. Наконец стрелка часов приблизилась к трем. Майор поднял руку с ракетницей и нажал на спуск. Яркая красная звезда взвилась в ночное небо.

Первая глава книги называется «Изучение новейшей истории МНР — новое направление монголистики США», во второй разбираются «вопросы международного положения МНР в американской историографии», в третьей — «вопросы внутреннего развития МНР в американской историографии».

Анализируя основные труды американских авторов по истории современной Монголии, М. И. Гольман прослеживает два течения, из которых первое, более или менее объективное, представлено работами О. Латтимора, Д. Фриттерса и некоторых других. Второму, реакционному течению свойственны сознательное стремление к фальсификации истории

и тенденция прямой клеветы на МНР. Представители этого течения — Р. Рупен, Дж. Мерфи, У. Баллис. Если, например, О. Латтимор на основе архивных, документальных данных и личных наблюдений показывает, что после революции монгольский народ стал не объектом, а субъектом своего исторического развития, яркой страстицей которого являются его взаимоотношения с СССР, то Р. Рупен тщится доказать, что, несмотря на определенный прогресс в области экономики и культуры, который он, при всем желании, конечно, не может огульно отрицать, национальные чаяния и устремления монгольского народа потерпели якобы крах в результате «на-

сильственной» политики, навязанной извне.

М. И. Гольман, критикуя реакционные теории буржуазных американских ученых, которые рассматривают МНР чуть ли не как «колонию», «сферу влияния» или же «сателлита» Советского Союза, дает достойный отпор их стараниям исказить международно-правовое положение МНР, которая существует в качестве самостоятельного, суверенного и независимого государства с самого начала своего возникновения. Он убедительно опровергает порочные концепции «преемственности» во внешней политике царской России и СССР по отношению к Монголии, «угрозы поглощения» МНР

Солдаты, напряженно ждавшие этой минуты, рванулись вперед, но, пробежав всего несколько метров, вновь залегли, так как вражеские прожекторы ослепляли их, а плотная завеса огня противника не давала возможности не только продвинуться, но даже поднять голову. И все же, используя те короткие мгновения, когда лучи прожекторов уходили в сторону, они короткими бросками продвигались вперед. Батор и его товарищи миновали провололочные заграждения и с криками «ура» бросились дальше, но перед ними оказалось минное поле. Пришлось задержаться, пока саперы расчищали проход. Тут-то Батор и приметил вражескую пулеметную точку и, дав по ней меткую очередь, заставил замолчать.

— Молодец, Батор!— воскликнул командир взвода, находившийся неподалеку. Эта похвала окрылила Батора, и он короткой очередью уложил еще трех японцев. Раздалось новое «ура», он бросился бежать дальше, но вдруг что-то ударило его в грудь, и он упал, потеряв сознание...

Когда Батор открыл глаза, его ослепил невыносимо яркий свет, и он снова зажмурился. В голове стоял невероятный шум, внутри все горело. Он хотел пошевелиться, но все тело было словно сковано. «Ясно,— подумал он.— Я попал в плен к японцам, и они меня связали. Надо притвориться мертвым, тогда меня оставят в покое... Ага, кто-то наклоняется надо мной... Берет за руку... Сейчас меня оттащат в сторону...»

— Пульс приходит в норму,— услышал Батор женский голос.— Сознание возвращается.

«Неужели я среди своих?»— понял Батор.— «Какое счастье!» Нестерпимо захотелось пить.

— Воды!— простонал он.

В тот же момент к его губам прикоснулась пиала. Батор ощутил аромат чая, отхлебнул большой глоток и поперхнулся.

— Не торопитесь, пейте понемногу,— сказал все тот же женский голос. Утолив жажду, Батор почувствовал себя лучше и открыл глаза.

— Где я?— спросил он слабым голосом и тут же отчетливо услышал голос врача:

— Дайте ему это лекарство, а потом сделайте перевязку.

Рядом с собой Батор увидел тонкую девичью фигурку в белом халате и только сейчас окончательно понял, что он в госпитале, среди своих.

— Наши взяли высоту?— спросил он у девушки.

— Давно! Уже пять дней, как высота наша,— ответила она.

«Выходит, пять суток я пролежал без сознания»,— отметил про себя Батор и снова спросил:

— Где я?

— В Баин-Тумэне,— последовал ответ, и девушка, наклонившись, сделала ему укол. В ушах у Батора все еще стоял шум, сильно кружилась голова и что-то невыносимо тяжелое давило на грудь. Батор укрылся с головой одеялом.

Его разбудил стук каблучков фельдшерицы Даваху. В последние дни Батор стал спать хорошо, и рана быстро заживала.

— Победа, товарищи!— взволнованно сказала Даваху, поздравившись с ранеными.— Только что по радио передали, что японцы подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Раненые сразу вскочили, только Батор и его сосед по кровати, пожилой человек с седыми висками, остались лежать.

— Конец войне! Вот здорово!— слышался звонкий молодой голос.

Даваху посмотрела на часы и включила радио. Передавали приказ главнокомандующего о том, что сегодня вечером в столице будет произведен артиллерийский салют.

— Ну вот и кончилась война. Скоро разъедемся по домам,— задумчиво произнес кто-то.

Все заговорили разом, перебивая друг друга. Вспоминали родные места, своих любимых, и каждый старался убедить других, что именно в его краю и нигде больше самые веселые, самые стройные и красивые девушки.

В общем разговоре не принимал участия лишь Батор. Уставившись неподвижным взглядом в потолок, он думал о Тумуре, не дожившем до великой победы...

*Перевел с монгольского
Г. Владимиров*

Советским Союзом. Умело разоблачая в книге также провокационные попытки вбить, спекулируя на мнимой спорности и неопределенности международно-правового статуса МНР, клин между нею и СССР.

Ряд американских монголистов, востоковедов и социологов склонен считать социализм и коммунизм органически несовместимыми с национальным характером монгольского арата, его образом жизни кочевника-скотовода. Но самое страшное, что якобы грозит жителям МНР в будущем, пугает Р. Рупен, — это реальная опасность превращения в «бледное подобие советских людей». В качестве верного средства для выхода из этой «ситуации» подска-

зывается мысль о проявлении все большей самостоятельности, постепенном разрыве с СССР и поиске путей сближения с Западом. Не случайно идеологи американского империализма делают ставку на так называемый монгольский национализм и тщетно пытаются пробудить или подогреть националистические чувства монголов, прежде всего интеллигенции. Разоблачая всю злонамеренность такой концепции, М. И. Гольман справедливо отмечает: «Порочность этой цели, ее провокационный характер опровергается всем историческим опытом МНР, свидетельствующим, что в эпоху империализма полное освобождение от национального гнета, осуществление неотъемле-

мого права наций на самоопределение, экономический и культурный прогресс для слаборазвитых и бывших колониальных стран возможны только на основе некапиталистического пути развития, принципов пролетарского интернационализма, единения с СССР и мировой социалистической системой».

М. Гольман почти не касается буржуазной монголистики остальных стран Запада, но основные его положения и выводы вполне могут быть распространены и на западноевропейскую и японскую буржуазную литературу о Монголии.

Н. ИШЖАМЦ,
*старший научный сотрудник
Института истории
Академии наук МНР*